

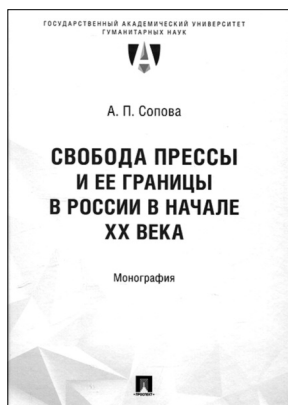
«Что нам делать с печатью?»

DOI: 10.53953/08696365_2026_198_2_327

Сопова А. П. Свобода прессы и ее границы в России в начале XX века: монография.

М.: Проспект, 2025. — 256 с. — 1000 экз. — (Труды юридического факультета ГАУТН).

Монография А. П. Соповой посвящена правительственной политике в отношении периодической печати, деятельности государственных учреждений по подготовке и проведению в жизнь реформы цензурного законодательства в 1904–1906 гг., заменившей систему предварительной цензуры на систему карательной (при которой произведения печати рассматривались не в рукописи, а после печати, но до обнародования), и практике ее применения. Автор считает, что реформа 24 ноября 1905 г. (Временные правила о периодической печати) была недооценена и современниками, и исследователями, поскольку осталась незавершенной и создала ряд противоречий между действовавшими и новыми законами. Деятели печати требовали полной свободы. Исследователи советского времени не обращались к наследию российской юридической науки, в которой были сформулированы основные подходы к проблемам прав и свобод личности и свободы печати, а все государственные институты и периодика различных направлений ими «рассматривались в качестве единой реакционной силы» (с. 9). В книге подчеркивается, что в дореволюционное время исследователи указывали на недостатки реформы, которые можно было исправить, а в советское и частично в постсоветское «отрицалась сама возможность закрепления свободы печати при царизме» (с. 13).

А. П. Сопова рассматривает понятие «свобода печати» как юридическое, которому для реализации необходимы гарантии, защищающие от злоупотреблений. Уникальность выбранного для изучения периода (с начала XX в. до 1914 г.) автор видит в том, что впервые в России свобода печати была законодательно закреплена и осуществлялась на практике, несмотря на трудности переходного времени. Цель исследования — показать, «в какой мере переход от полицейских начал к правовым в законодательстве о печати в Российской империи был реализован» (с. 13).

В качестве источников автор использовала нормативные правовые акты о цензуре, опубликованные в хронологической последовательности в Полном собрании законов и кодифицированные в Своде законов Российской империи. Изучено (гораздо реже попадающее в сферу внимания историков печати) уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, а также регламентация чрезвычайных правовых режимов начала XX в., при этом привлечены сборники юридических документов с комментариями и толкованиями практики их применения, изданные до 1917 г., и использованы документы архивов (ГАРФ: Департамента законов Государственного совета, личного фонда А. Ф. Кони; РГИА: Государственной думы, Совета министров, Министерства юстиции, Общей канцелярии министерства финансов, Главного управления по делам печати; ЦГАМ: Московского цензурного комитета).

В монографии дан анализ законов и их применения: правотворческой и правоприменительной деятельности государственных органов в начале XX в. (период, наименее обеспеченный исследованиями). Впервые подробно представлено законодательство о чрезвычайном положении; уделено внимание и разработке нового устава о печати в 1906–1914 гг.

А.П. Сопова сравнивает положение печати в России с положением ее в других европейских государствах (Англии, Франции и Германии) и показывает архаичность действовавшей системы цензуры, в которой к началу XX в. «различные модели контроля за печатью не сменяли последовательно друг друга, а наслаивались одна на другую» (с. 38). В монографии показана практика применения законов: о чем нельзя было писать, какие статьи требовали большего внимания цензоров, как работали специальные цензуры (духовная, придворная, военная, медицинская и др.) и цензура литературы на национальных языках.

Поскольку часто судебные процессы заканчивались оправданием обвиняемых или, с точки зрения власти, наказания были недостаточно строгие, администрации были предоставлены различные возможности «создать ограничения, препятствующие уходу от ответственности при рассмотрении дела в судебном порядке» (с. 48). Автор подчеркивает, что существовавшая система административных мер включала разрешительный порядок основания периодического издания, институт ответственного редактора, залогов, возможность для министра запрещать обсуждение определенных тем, понятие «вредное направление» и др. Причинами сложившейся ситуации автор называет патерналистский взгляд императора на печать, отсутствие «единой модели правового регулирования печати» (с. 61), сохранение системы предварительной цензуры и объясняет это особенностью политической системы Российской империи.

Говоря о безуспешных попытках разработать новый устав о цензуре, предпринимавшихся на протяжении XIX в., Сопова указывает на основные причины, не позволившие это сделать: инертность законотворческого процесса и неразрешимые противоречия в среде бюрократии. В исследовании впервые подробно рассмотрено содержание Устава о цензуре в редакции 1890 г. Автор отмечает наслоения временных правил, высочайших повелений, принятых как в законодательном порядке, так и в порядке управления, и подчеркивает, что в устав вошли даже законодательные акты, противоречившие друг другу. При этом подчеркнуто значение подзаконных актов — циркуляров — в правовом регулировании деятельности цензурных учреждений и печати.

На фоне общественно-политической ситуации в России показан кризис цензурной политики. Провозглашение в Манифесте 17 октября свободы слова без отмены действовавших законов вызвало «юридический хаос». Свобода печати стала осуществляться явочным порядком. Для цензоров руководящим документом стал циркуляр от 19 октября 1905 г. (№ 11723). Автор описывает действия цензурного ведомства и деятелей печати в создавшейся обстановке и приходит к выводу о том, что «вместо правительственной цензуры печать оказалась под властью цензуры типографских рабочих» (с. 80). На вопрос «Что нам делать с печатью?» (с. 81), по словам начальника Главного управления по делам печати А.В. Бельгарда, не мог ответить ни министр внутренних дел, ни председатель Совета министров. Автор отмечает, что политический кризис ускорил решение вопроса о печати.

Показана деятельность Комиссии Д.Ф. Кобеко по подготовке нового цензурного устава. Автор реконструирует процесс ее работы, впервые привлекая письма представителя от Министерства внутренних дел Н.В. Шаховского и председателя комиссии. Анализируя варианты проектов, автор приходит к выводу, что положения о печати, содержащиеся в них, были более радикальны, чем принятые 24 но-

ября 1905 г. Временные правила и дополнения к ним от 18 марта 1906 г., которые впервые на всей территории империи освободили периодическую печать от предварительной цензуры. Однако новый устав разработан не был.

А.П. Сопова отмечает, что с юридической точки зрения Временные правила не могли войти в Свод законов как временная мера, которая не подлежала кодификации, поэтому они были внесены в текст кодифицированного устава в виде примечаний: «С точки зрения закрепления гарантий свободы печати такое обращение с новыми правилами выглядело как умаление их значения и не могло содействовать тому, чтобы свобода печати получила “значение основного руководящего принципа для судебных и административных органов при толковании и применении законов о печати”» (с. 96).

Автор разбирает положения законов и отмечает, какие административные меры воздействия на печать были отменены, а какие сохранились. Большое внимание уделено практическому применению законов, в том числе системе оповещения о запрещенных по суду изданиях, при этом указывается, что централизованная система была создана лишь к 1914 г. Автор обратила внимание на то, что реформа печати не повлекла кардинального пересмотра уголовного законодательства, и подробно остановилась на порядке судопроизводства, установленном по Временным правилам, и развитии судебной практики в 1906–1914 гг. В исследовании отмечается, что количество судебных процессов значительно возросло, а «характер объективного процесса, исключая состязательность сторон из-за отсутствия стороны защиты, превращал суд в одно из цензурных учреждений» (с. 132). Однако, несмотря на это, процент оправдательных приговоров был высок, что объясняется, с одной стороны, несовершенством уголовного законодательства, а с другой — необоснованностью обвинений. Особенностью организации уголовной ответственности стал институт ответственного редактора, что привело к широкому распространению подставного редакторства.

Большой интерес представляет глава о режиме исключительного положения, при котором губернаторы наделялись особыми полномочиями. В монографии впервые ставится вопрос о новой системе административных взысканий, использовавшейся в начале XX в.

Автор считает, что особенностью политической и правовой системы Российской империи было то, что «радикальные преобразования сочетались с сохранением институтов, вступающих в явное противоречие с конституционным строем» (с. 151), и препятствовали реализации провозглашенных свобод слова и печати. Право министра внутренних дел объявлять местности на исключительном положении давало возможность губернаторам издавать «обязательные постановления» для «охранения государственного порядка и общественного спокойствия» (Полное собрание законов. Собр. 3. Т. 1. № 350). Эти положения — от 13 июня 1876 г., 14 августа 1881 г. и «Правила о местностях, объявляемых состоящими на военном положении» от 18 июня 1892 г. — являлись чрезвычайными мерами, но, по словам автора, превратились в «устойчивую административную практику» (с. 168).

А.П. Сопова считает, что применение законодательства об исключительном положении против печати «привело к появлению новой системы административного контроля» (с. 169). Власть была уверена, что суд не способен справиться с «вредным направлением» в печати, поэтому с лета 1907 г. печать стала получать взыскания за нарушения обязательных постановлений в порядке охраны, которые могли быть даны и без объявления исключительного положения. Шаблон обязательных постановлений был разослан губернаторам для соблюдения единообразия в оформлении предписаний. Эти подзаконные акты охватывали широкий круг вопросов и часто противоречили нормам действовавших законов или дублировали

их. Взыскания опять стали налагаться во внесудебном порядке, но теперь не на периодическое издание, а на ответственное лицо. Таким образом, была восстановлена система административных взысканий, широко применявшихся во второй половине XIX в.

Говоря о схожести прежней и новой систем, автор называет темы, которые пытались запретить для обсуждения, и дает характеристику нового понятия «вредное направление», которое стало подразумевать партийную принадлежность. В связи с этим объясняется, что штрафы как более легкое наказание налагались в основном на умеренные газеты, а радикальные получали запрет на выход. Подчеркивается, что количество административных взысканий за нарушения обязательных постановлений (указаны источники возможных подсчетов) во много раз превышало количество взысканий, полученных периодической печатью в 1865–1905 гг. Добавим, что это было связано еще и с увеличением общего количества изданий, и с возможностью более свободно высказывать свои взгляды.

А.П. Сопова отмечает, что реформа законодательства об исключительном положении провозглашалась приоритетной в указе от 12 декабря 1904 г., но в годы Первой русской революции она не была проведена, а затем разные варианты исключительного положения были введены практически на всей территории страны. Заинтересованность местной администрации в сохранении такого режима и отсутствие законодательных мер для его ограничения сделало его бессрочным.

В монографии рассмотрены законопроекты о печати, составленные начальником Главного управления по делам печати, в Министерстве внутренних дел, политическими партиями.

В заключении А.П. Сопова подчеркивает, что в период от издания Манифеста 17 октября 1905 г. до введения военной цензуры в 1914 г. в Российской империи существовала свобода печати, однако отмечает незавершенность реформы 1905–1906 гг., поскольку не были реформированы уголовное и уголовно-процессуальное законодательства. Власть не хотела мириться с потерей административных методов влияния на печать, но, стремясь использовать законные меры воздействия, взяла на вооружение эффективное законодательство об исключительном положении. При подготовке нового устава основным вопросом была возможность административного давления на печать. Проект 1913 г. хотя и не предусматривал полной свободы печати, но мог устранить многие недостатки действовавших законов. Военная цензура, введенная в 1914 г., прервала законодательные работы и усилила административный контроль. Основное значение реформы 1905–1906 гг. состоит, по мысли автора, в том, что она «создала условия для того, чтобы в России сложилась и за несколько лет окрепла независимая политическая пресса, влияние которой признавали и к мнению которой прислушивались, в том числе и в правительственных кругах» (с. 230).

Исследование А.П. Соповой, основанное на широком круге источников, выполненное на высоком научном уровне, несомненно представляет большой интерес для юристов, историков периодической печати, цензуры и всех, кто интересуется отечественной культурой России начала XX в.